

18+

Мирослава Кузнецова

Расскажи мне, мама, о любви...

Мирослава Вячеславовна Кузнецова

Расскажи мне, мама, о любви...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36325393

SelfPub; 2019

Аннотация

Как и все девчонки, пятнадцатилетняя Екатерина мечтает о любви, но случайная беременность полностью меняет ее жизнь. Долгие годы она живет только ради дочки, не надеясь встретить суженого. Переступая через себя в каких-то поступках, молодая женщина считает, что это все ради счастливой и безоблачной жизни своей маленькой красавицы. Ребенок, карьера и случайные любовники – вот и вся моя жизнь, думает Екатерина, не представляя, что однажды случайная встреча с мужчиной перевернет спокойную жизнь ее маленькой семьи. Но что делать, если вам говорят, что любят не вас, а другого человека? И даст ли жизнь второй шанс на счастье?

– Дрянь! Потаскуха! – широкая ладонь отца с размаха опустилась мне на лицо, но от второго удара я успела закрыться ладонями. – Кто он? Говори!

Удары сыпались один за другим, и все, чем я могла облегчить себе участь, это закрывать руками свое лицо и часть головы. Перепуганная насмерть мама сделала робкую попытку прийти мне на помощь, но очередной удар отца достался ей, и она, припечатанная к креслу, заскулила, надеясь тем самым смягчить гнев главы нашего семейства.

– Заткнись, Галька! Ты шалаву вырастила, не следила за дочерью, из-за тебя все!

Боясь кулаков отца, похожих по размеру на дыню, мы с мамой уворачивались от них, как могли. Покрывала с кресел и дивана валялись на полу, стулья были перевернуты, а злоба отца кружилась по всей квартире, громя все вокруг.

Остановить безумие казалось невозможным, и приходилось ждать. Непонятно чего, но ждать. Пьяный он обычно устраивал разборки, и всегда доставалось маме. Он оскорблял ее, иногда поколачивал, мог разбить пару-тройку тарелок на кухне. Пил отец немного, по меркам нашего двора, где проживал в основном рабочий люд, и о счастливых се-

мьях и веселом детстве никто и не мечтал. Так что мне еще повезло – запах перегара появлялся у нас в квартире по пятницам, когда отцу надо было расслабиться после трудовой недели, и в один из выходных – это было необходимо для его души. И в том, и в другом случае мама вела себя крайне осторожно, не перечила ему ни в чем, готовила вкусные блюда, красиво накрывала на стол, как будто к нам в дом пришел праздник. Она делала это, чтобы отец не рассердился, чтобы ему понравилось все, и в доме не начался бы очередной скандал. К сожалению, очень многие, напившись, теряют человеческий облик, превращаются в зверя, и мой отец не был исключением.

Но сейчас он был абсолютно трезв, и то, что он вытворял, происходило из-за меня.

Я понимала, что очень виновата, но что мне делать дальше, не знала. У меня была проблема, разобраться с которой без помощи взрослых не представлялось возможным, и позавчера я во всем призналась маме. Выслушав меня, она сначала впала в ступор, но, обретя способность говорить, произнесла дрожащим голосом:

– А что теперь скажет отец?

А что мог сказать мой отец? Только что он узнал – его пят-

надцатилетняя дочь беременна. Единственная дочь, подающая большие надежды в учебе – отец не раз хвалился моим аттестатом за девятый класс. В нем не было ни одной четверки, и я слышала, как отец говорил всем своим друзьям, знакомым и просто собутыльникам:

– В меня Катюха. Головастая – вся в меня! Галька моя хорошая баба, но дура дурой. Ни образования приличного, ни ума. А Катька далеко пойдет. Вот увидите. Это было совсем недавно, и отец даже согласился вместе с мамой прийти в школу на вручение аттестатов. Мои родители сидели в первом ряду, и я, разглядывая их, радовалась, что они такие красивые, нарядные, молодые, а они, в свою очередь, гордились моими успехами. Наверное, они могли быть хорошей парой, любить и уважать друг друга, как и должно быть в семьях. Но этого не случилось.

– Потаскуха! – повторил отец, исподлобья взглянув на меня.

Мне было уже все равно, что будет дальше. Убьет меня, и пусть, подумала я, разве это жизнь? И вообще, какая жизнь ждет меня впереди?

Беременность моя случилась неожиданно и почти случай-

но. На майские праздники меня отпустили в гости к подружке на дачу. Неподалеку отдыхала большая компания парней, которые сразу обратили на нас внимание. Мне очень понравился один из них, по имени Толик – высокий, симпатичный, с фигурой атлета. Он сказал, что учится в Санкт-Петербурге, в университете имени Лесгафта. Я поверила ему сразу, да и как могло быть иначе? С такими фигурами только там и учиться, а Толик к тому же оказался умен. Он нежно ухаживал за мной, вел себя прилично, не приставал, как это делали другие парни. Моя подружка уже давно сидела на коленях одного из них и глупо хихикала, когда он прижимал ее к себе и что-то шептал ей на ухо. Руки его спокойно гуляли по ее коленям, забирались под футболку, делали что-то еще, на мой взгляд, постыдное.

– Пойдем, погуляем? – предложил мне Толик, протягивая руку. Я с удовольствием согласилась – все-таки неприятно смотреть на мою подружку и других девушек, допускающих разные вольности. Из спиртного здесь было только пиво, правда, в неограниченном количестве. Все пили сколько хотели, и веселая вечеринка продолжалась. У меня на пиво была аллергия, и поэтому я ничего не пила, кроме сока и минералки. Я рассказала об этом Толику, который ответил мне, что он сам тоже ничего не пьет – спортивный режим. Мы гуляли по дачному поселку, и я была на седьмом небе. Еще бы, понравиться такому видному парню! Слушая Толика, ко-

торый интересно и много рассказывал о красотах Северной столицы, о своей учебе и спортивных соревнованиях, я просто млела от подступающего счастья. Я чувствовала, что оно есть, я поверила в это сразу и безоговорочно. Особенно когда Толик сказал, что впервые встретил на своем пути такую милую, умную девушку. Нет, он не сделает мне ничего плохого, я могу быть с ним рядом абсолютно спокойна. Я и была спокойна. Ночь мы провели вместе, и мне все очень понравилось. Наслушавшись страшилок о "первом" разе у девочек, я слегка волновалась. Но Толик подарил мне незабываемую ночь любви. Он долго целовал меня, лаская руками мое тело, губы его блуждали по мне, как по какому-то лабиринту, и я слышала его задыхающееся: "Люблю тебя, моя девочка, очень люблю ..."

Мое сердце стучало, как бешеное, я сама задышалась от нахлынувших на меня чувств и новых ощущений. Я пыталась ласкать моего первого мужчину, делая это наивно и неумело, но это ему нравилось. Вздрагивая от моих прикосновений, Толик прижимался ко мне, не прекращая целоваться, и продолжал шептать слова любви. Он уже понял, что это у меня "первый" раз, и поэтому старался сделать все осторожно. В какой-то момент я все равно почувствовала боль, усиливавшуюся с каждой секундой, и теперь уже мне хотелось, чтобы все закончилось. Позже Толик вновь долго целовал меня, не пропуская ни одного сантиметра моего тела,

и сказал, что такая ночь у него впервые. И что он любит меня. Красивые слова я слушала с замиранием сердца. И была уверена в продолжении наших отношений. А потом случилось то, что, наверное, бывает очень часто с девушками – Толик пропал. Он не отвечал на звонки, на его почту я писать не могла. И, конечно, от него не было ни слуху ни духу. Едва отойдя от этого потрясения и сделав вывод, что все мужчины подлецы, я получила очередной удар – у меня случилась задержка. Подружка, подсунувшая мне в тот день на даче какие-то таблетки, убеждала, что ничего не случится. Помимо задержки "критических" дней, появились еще симптомы, и я с ужасом поняла, что не ошиблась. И что теперь делать?

– Что будем делать теперь? – заорал отец, повторяя мои мысли вслух, и, распаляясь вновь, занес руку для очередного удара и вдруг замер, как бы решая, кого ударить сначала, меня или маму.

– Что здесь происходит? Колька, ирод проклятый, ты что творишь? – хриплый прокуренный голос принадлежал самому нужному человеку в мире – моей бабушке. – Не успела уехать, а тут такое! Ты что, скотина, теперь и среди недели пить начал?

Бабушка швырнула сумки и рюкзак в сторону и, огляды-

вая все вокруг, кинулась на кухню. Вернулась она с большой деревянной толкушкой в одной руке и со скалкой в другой.

– А ну, иди отсюда! Вон пошел, пока не прибила! – бабушка бесстрашно приблизилась к разъяренному отцу и ткнула его скалкой куда-то в плечо.

– Ты чего, мать! Ополоумела? – отец все же попятился от наступавшей на него бабушки. – Да ты знаешь, что Катька натворила? Опозорила нас всех! Из домавыгнать ее...

– Я тебя скорей выгоню! Пошел, пошел отсюда, – бабушка чуть поутихла, – без тебя разберемся.

Отец ушел на кухню, и, судя по звукам, достал из холодильника бутылку водки, оставшуюся от прошлого "лечения" души. Немного погодя он улегся в постель в спальне, но еще долго не спал. Он рассказывал о случившемся горе: "Катька, сука, в подоле принесет... позор-то какой! Что я друзьям скажу? Обсмеют ведь, меня обсмеют! Что делать теперь? За что мне это?"

Далее он жаловался, что Галька всю жизнь испортила ему, и почему он так несчастен? Слушала и утешала отца, как всегда, наша такса по кличке Кнопка. Она преданно сидела в спальне и смотрела на него несчастными глазами. Кнопка,

действительно, была несчастной собакой. Раньше она жила в семье тети Светы, младшей сестры отца. Кроме бабушки, тетя Света была единственной, кто мог утихомирить отца и обуздать его пьяный гнев, и я всегда радовалась, когда она приезжала к нам. Бывать в гостях в ее семье мне тоже очень нравилось. Жила тетя Света в большой красивой квартире в центре города. Муж ее был непьющим. Добрый и веселый, он много возился со своими сыновьями и очень хорошо относился ко мне. Вот о такой семье я мечтала уже давно. О той семье, которая у меня будет, когда я вырасту и выйду замуж. Я делилась своими мыслями с тетей Светой, и она, обнимая меня, говорила:

– Все у тебя будет, Катенька, вот увидишь! Лучше, чем у меня, будет.

Моя милая, добрая тетя погибла три года назад вместе со своей семьей. Тогда впервые они поехали отдыхать в Тайланд. Райское место для отдыха, все есть и очень дешево, хвалилась тетя Света, заехав к нам перед отъездом. Она привезла нам Кнопку и тысячу указаний, как именно следует ухаживать за их любимицей и обещала, что на следующий год я обязательно поеду отдыхать с ними.

Самолет, на котором они возвращались из Паттайи в

Москву, пролетел совсем немного. По неизвестной причине он рухнул в море, и сто сорок пассажиров и восемь членов экипажа пропали без вести. Наступили черные дни в нашей жизни. Томительные часы ожидания, наполненные ужасной болью. Никто не говорил этого вслух, но еще некоторое время мы жили надеждой. Траур бабушка надела после официального сообщения и признания погибшими ста сорока восемью человек, летевших из Паттайи. Родственникам погибших полагались денежные выплаты, организации, где работали тетя Света с мужем, также оказали хорошую материальную поддержку. Конечно, об этом никто не хотел думать, до поры...

Сороковины устроили в квартире тети Светы, пригласив только самых близких.

– Скоро в наследство вступать, документы готовить, справки собирать, – заплакала бабушка. Она держалась, пока шли поминки, но теперь мы остались одни. – Не хочу ничего! Светочка, доченька, как же так? И зачем ты так хотела в этот проклятый Тайланд?

– Два года собирались, – закивал головой отец. – Мать, ты сама документами занимайся. Я не могу. Не могу, хоть убей!

– Мама Миши слегла. Единственного сына потеряла, всю его семью, – прерывисто вздохнула бабушка, – я хотела ей позвонить, но трубку берет кто-то другой. Она же тоже наследница, Господи.

Убрав все после поминок, мы вернулись домой. На площадке возле нашей квартиры стояли мужчина и девушка.

– Я двоюродный брат Михаила и представляю интересы его семьи, – сказал мужчина. – Вы позволите нам войти?

Девушка оказалась адвокатом и сразу приступила к делу. Она заявила, что у Михаила и Светланы, помимо квартиры, автомобиля и дачи, есть счет в банке. Денежную помощь и компенсации тоже нужно пересчитать, все учесть и поделить. Я не все понимала, что говорила девушка, но по лицам взрослых было понятно – происходит что-то нехорошее. И дело не в деньгах, квартирах и счетах, тут что-то другое. В это время девушка закончила говорить и положила на стол папку с документами:

– Здесь все подготовлено мной для нотариуса. Ознакомьтесь, пожалуйста, и, знаете, что я думаю? Пусть наследство оформляется на кого-то одного. Остальным лучше отказаться, это облегчит разные сложности. Потом все разделите, в документах проставлены предварительные суммы. Поверь-

те, так будет лучше. Через неделю я вам позвоню, и мы договоримся о новой встрече.

Отец взял в руки папку и сказал, что, если так будет лучше, то никто и не против, только чтоб без обмана!

– Николай, подай мне документы, – приказала бабушка. Она углубилась в изучение бумаг, и в комнате воцарилась тишина, длившаяся довольно долго.

Наконец девушка не выдержала:

– Мы предоставляем вам достаточно времени для изучения всех документов и наших предложений.

– А мы и не собираемся ничего изучать, – парировала бабушка, – этим займется наш адвокат. Он сам свяжется с Вами. Позвольте Вашу визитку.

Я смотрела на происходящее, раскрыв от удивления рот. Обычно так говорят герои сериалов, которые идут по телевизору бесконечно, и их так любят смотреть женщины старшего возраста. Отец ничего не хотел знать и делать по вопросам наследства, и поэтому бабушка приняла все решения сама. У нее были денежные сбережения, копившиеся долгие

годы, и она вызвала адвоката из Москвы. Да не первого попавшегося, а одного из тех, чье лицо часто мелькало в различных телевизионных программах, а имя было известным на всю страну. Едва увидев своего визави, молодая адвокатесса смутилась так, что, казалось, потеряла не только дар речи, но и способность мыслить. Все закончилось быстро и мирно. Спустя положенный срок бабушка получила свою долю наследства, которой стала распоряжаться "с умом":

– Катерине учиться надо будет, а нам еще и приданое ей готовить. Так что на эти деньги рассчитывать не будем.

Спорить никто не собирался, а отец заявил, что он будет работать еще больше, чтобы его семья не нуждалась.

– Галина работает не меньше тебя, устает очень, да еще дома все делает, – возразила бабушка.

Чтобы деньги не пропали, мы купили квартиру в хорошем районе, с ремонтом, чтобы потом ее сдать квартирантам. Не доверяя банкам и боясь какой-нибудь денежной реформы, бабушка присмотрела еще и дом в деревне. Добротный, с большим садом, он понравился нам сразу. Отец не любил ездить в деревню – он "отдыхал" другим способом. А мне и маме там было хорошо. Как раз из деревни и вернулась бабушка, в разгар происходящих скандальных событий у нас

дома. Утихомилив отца при помощи скалки и дождавшись, пока он уляжется в спальне, бабушка немного послушала его бормотание и тяжело вздохнула. Весь вечер мы обсуждали, как быть дальше. Точнее, что делать со мной. Я несколько раз пересказывала одно и то же, отвечая на бесконечные вопросы: как все произошло? Зачем я одна куда-то пошла на ночь глядя? Что делала в это время моя подружка? Какая это была машина и как я могла сесть в нее к незнакомому человеку? Моя легенда была давно отработана и полностью поддерживалась подружкой. Впрочем, с ней мы уже не общались так близко – ее родители заявили, что "дружить с этой Катькой нельзя!"

То, что их дочурка уже два года спит с разными парнями и принимает от них любые подарки – от шоколадки до небольшого количества денег, не имело значения, ведь об этом же никто не знал. Я была не из тех, кто выдает чужие тайны. Отец подружки беспробудно пил, зарабатывал мало, и его часто выгоняли с работы. Находясь в бессрочном отпуске дома, он становился злой, требовал денег на бутылку водки или стаканчик вина в "рюмочной", и, если ему было отказано, награждал тумаками жену и детей.

Пить и драться было обычным явлением в нашем дворе, и на это серьезного внимания никто не обращал.

Наконец бабушка вынесла свой приговор:

– Никакого аборта! Родит спокойно, с ребеночком помогать будем. Я уж точно сидеть с ним могу, силенок хватает пока. А тебе, Катерина, учиться надо, институт закончить обязательно. Из-за какого-то гада жизнь портить единственной внучке не дам! Колька, негодяй, руку на ребенка поднял. Ну, пусть только попробует еще один раз хоть пальцем...башку ему отрублю. Так и отлетит к чертовой матери! И ты, Галина, хороша. Почему за дочь не заступилась? Хватит уже его бояться, отпор надо дать как следует – и он притихнет. Это они смелые, пока в ответ по харе не получают.

Бабушка сердито закурила очередную сигарету и на мамино робкое замечание, что Коля, в общем, хороший, только иногда от пьянки как зверь делается, резко ответила:

– А на зверя есть рогатина!

Постепенно у нас в доме все наладилось. Отец смирился, что "Катка в подоле принесет скоро", и даже вопрос, что теперь скажут его друзья, больше не имел никакого значения.

– Какие еще друзья? – грозно спросила бабушка, – пьянь твоя из рюмочных?

– Ты, мать, это зря... Они тебя, знаешь, как уважают? Вот Петровна, говорят, это – человек! И во дворе так все думают.

Бабушку, действительно, многие побаивались. Она не лезла за словом в карман, вмешивалась в скандальные ситуации и разборки, выступая в роли какого-то третейского судьи. Петровна – так обычно называли ее во дворе – являлась самым настоящим авторитетом, и мне заранее было стыдно оттого, что внучка такого уважаемого человека скоро опозорит семью, родив в пятнадцать лет ребенка без мужа. Но наша Петровна так не считала. Она несколько раз повторила, что рождение человека никогда еще позором не было. И не будет.

И если кто посмеет хоть как-то высмеять меня или слово дурное сказать, то он будет иметь дело с ней лично.

Бабушка забрала мои документы из школы, где я училась, и мы отнесли их в школу вечернюю, куда меня с радостью приняли, едва заведя оценки. Было решено, что учиться я буду до Нового года, а дальше видно будет. Ведь роды для пятнадцатилетней девочки испытание слишком серьезное. Во дворе обо мне ходили разные слухи, но никто ничего толком не знал. Остаток лета я провела с бабушкой в деревне и почти ни с кем не общалась. Да и не больно-то хо-

телось, если честно. У меня скоро должна была начаться совершенно другая жизнь, к которой я и готовилась потихоньку. Страшно мне не было нисколько. Поддержка родных сделала свое дело – я не боялась материнства, даже такого раннего. Детей я любила всегда, а своих двоюродных братишек просто обожала до безумия. После гибели семьи тети Светы я тосковала по ним по всем, но веселые мальчишки-близнецы стали для меня на всю жизнь незаживающей раной. Первое время после трагедии я как будто окаменела и горе переносила с большим трудом вместе с Кнопкой. Бедная так-са выла несколько дней подряд, а потом почти год сидела в коридоре у входной двери, и в ее несчастных глазах читался один вопрос: когда?

На городском кладбище бабушка поставила памятник погибшим родным. Могила была большая, и наша Петровна взяла с нас троих слово – похоронить ее именно в этой могиле. Это мое завещание вам, строго сказала бабушка. Вместе с ней я часто ездила на могилу, в которой никто не лежал. Там я рассказывала шепотом свои новости тете Свете и братишкам, глядя на их общую семейную фотографию. Когда бабушка узнала о моей беременности, то запретила мне посещать кладбище. Первое полугодие я закончила на "отлично". В вечерней школе учиться было намного легче, чем в обычной. В классе у меня появились две новые подружки, с

которыми я иногда ходила гулять. В третьей четверти я не проучилась ни одного дня. После новогодних каникул меня положили в роддом, в отделение патологии, и вскоре я родила девочку.

– Два килограмма шестьсот граммов, сорок девять сантиметров, – повторяла я про себя как молитву, желая поскорей увидеть дочку. Мое сокровище принесли вечером, и сердобольная медсестра помогала мне справиться с первым кормлением. Через неделю нас выписывали домой, и у меня больно сжалось сердце – у моей дочурки никогда не будет папы. Малышку передали на руки моему отцу, и впервые за долгие годы я увидела, что у него увлажнились глаза.

Мама и бабушка взволнованно топтались рядом, требуя держать ребенка пониже – они никак не могли наглядеться на личико в бело-розовом кулечке.

Дома меня ждал красиво накрытый стол, торт со свечами, новые мягкие игрушки.

– С днем рождения, Катюша, – Петровна троекратно поцеловала меня, – будь здорова и счастлива!

– Буду, бабуля, – бодро ответила я и присела за стол. В этот день мне исполнилось шестнадцать лет.

Я – мама! Для меня эти слова не сразу стали понятны в полной мере. Осознание того, что у меня есть ребенок, за которого я отвечаю в жизни, приходило постепенно. Я очень хотела быть хорошей мамой и старалась изо всех сил. Я возилась с дочкой день и ночь, почти не спуская ее с рук, рассказывала ей сказки, показывала звезды на небе и делала, наверное, еще много подобных глупостей.

– О-хо-хонюшки, – вздыхала бабушка, глядя на меня, – правду говорят, что первый ребенок – последняя кукла.

Учиться мне не очень хотелось, но наша строгая Петровна бдительно контролировала этот вопрос. Она сходила несколько раз к директору школы, и та вникла в нашу сложную ситуацию – мне установили что-то вроде свободного посещения. Только обязательные контрольные и проверочные работы я должна была писать в классе, как все. Отличницей я больше не была, но и ни одной тройки не получила. Учебка всегда мне давалась легко, несмотря ни на что. Весной я часто вывозила дочку в коляске на улицу, и мы долго гуляли по нашему двору и близлежащему скверу. Прохожие с любопытством оглядывали нас и, скорее всего, думали, что я катаю свою сестренку. Роды меня несколько не изменили, к моему огорчению. Я никогда не была красавицей, скорее наоборот: долговязая, с чересчур худыми руками и ногами. Нос у меня был длинноват, губы слишком тонкие. Наверное,

с помощью косметики и макияжа, которые иногда творят чудеса, я смогла бы выглядеть намного лучше. Но мне не у кого было учиться этому. Моя мама почти не пользовалась косметикой, а бабушка в своем возрасте вообще не думала об этом. Я видела, что из гадкого утенка не получилось прекрасного лебедя, хотя все говорили, что я похорошела после рождения дочки. Я делала вид, что верю. Дворовые старушки ласково улыбались мне при встрече, делали комплименты, желали всего хорошего мне и дочке. Я искренне улыбалась в ответ и радовалась, что люди меня не осуждают. Но однажды, затолкав коляску со спящей дочкой в подъезд, мне пришлось вернуться – с коляски упала игрушка.

– Ходит, как будто все хорошо, – прошамкал чем-то голос, – все теперь, пятно на всю жизнь, сама себе посадила, позорище!

– И не говори, – радостно подхватил кто-то, – кому нужна кобыла с чужим жеребенком?

Застыв на месте, я слушала, как меня обсуждают бабушки-соседки, как им приятно видеть "эту одиночку, у которой ни рожи ни кожи, а теперь еще и с дитем! так и будет одна маяться всю жизнь..." Проснувшаяся Ленка улыбалась мне, и я, сглатывая слезы, взяла дочку на руки и осторожно прижала к себе.

Поднимаясь на свой второй этаж, я подумала, что кобыла с чужим жеребенком была бы всем в радость, а не нужны друг другу только люди. И если раньше я надеялась, что мне еще может встретиться человек, который полюбит меня и примет Ленку, а именно так часто говорила бабушка, то теперь я была убеждена в том, что такого просто не может быть. Кобыла с чужим жеребенком...

Вот так в шестнадцать лет я узнала цену своей жизни и поклялась, что мне, кроме доченьки, никто не нужен. Никто и никогда! А она будет счастливой, моя Ленка, еще как будет! И опровергнет народную глупость – "Не родись красивой..."

Хороша, как ангел небесный – так сказала про Ленку Петровна, и оспорить этого было нельзя. Еще в роддоме я услышала впервые – "какая куколка родилась у этой малолетки", а потом быстро бегущее время только доказывало сказанное кем-то из медперсонала. Моя дочка была не просто хорошенькой и симпатичной, как все малыши. Она была красавицей в прямом и полном смысле слова – большие голубые глаза, очень черные ресницы, светлые волосы колечками. К пяти годам это был очаровательный ребенок, на которого часто обращали внимание даже незнакомые люди. Наши ста-

рушки, которые прочно подсадили меня на комплекс "кобылы с чужим жеребенком", были вынуждены признать Ленку первой красавицей не только в нашем дворе, но и далеко за его пределами. Мои родители и бабушка души не чаяли в Ленке, а я любила ее до безумия и однажды поняла – жизнь дочери дороже мне моей собственной.

И, если понадобится, я смогу убить за нее. Дочка росла любознательной, схватывала все на лету и что-то новое запоминала настолько быстро, что нам оставалось удивляться. В пять лет она читала по слогам, но здесь я опережала ее – в свои пять я читала уже хорошо. Волей-неволей, но дома Ленку то и дело сравнивали со мной, и мне это не было приятно, не знаю, почему. По многим "показателям", по мнению Петровны и мамы, я находилась "впереди" дочки.

Бесспорно было одно – ее красота, и здесь моя Ленка опережала большинство своих сверстниц во дворе, в детском садике, в деревне, куда она ездила с нами с удовольствием. А обо мне и говорить было нечего – гадкий утенок и близко не мог сравниться с подрастающим прекрасным лебедем.

Дома у нас стало получше. Отец работал много и почти не отдыхал – не ходил в отпуск и часто брал подработки, а на его стройке это только приветствовалось.

Мама работала иногда без выходных, ведь в кондитерском цехе никогда не бывает лишних людей. Отношения у моих родителей стали хорошими, и все благодаря появлению внучки. Отец выпивал, но намного меньше, и почти не ругался с мамой. Ей это казалось настоящим счастьем, особенно когда по вечерам он звал ее посмотреть телевизор – им обоим нравился КВН. Они смотрели эту передачу, отец громко смеялся, а мама улыбалась, и они грызли семечки. Такое семейное счастье казалось мне непонятым, но каким оно должно быть на самом деле, я не знала. Когда мы чего-то не знаем, нас вполне устраивает то, что есть. Эта истина открылась мне недавно и стала каким-то жизненным правилом.

Я только что закончила торгово-экономический институт и подыскивала себе место работы. Выбор был – страшные времена безработицы и всеобщего хаоса миновали, но бабушка убедила меня сначала отдохнуть как следует в деревне:

– Леночке свежий воздух нужен да продукты настоящие. И ты, Катерина, отдохнешь хоть немного. Смотри, высохла вся, с экзаменами твоими. Кроме ребенка, ничего видишь, ничего не хочешь. Разве это жизнь?

Я напрасно убеждала бабушку, что живу хорошо, дочка подрастает, вот в школу в этом году уже пойдет. Вырастет, выучится, замуж выйдет.

– Катерина, – ахнула бабушка, – ты говоришь, как будто тебе лет пятьдесят. Ну, или сорок! Ты молодая девушка, двадцать три года всего, тебе о личном думать надо. Ты еще встретишь свое счастье. Я обняла мою любимую Петровну и сказала ей на ухо, что счастье у меня есть. Вот оно, моя красавица-доченька. И ничего мне больше в жизни не надо, никакого другого счастья! У меня все есть.

Бабушка только вздохнула в ответ. Переехали мы в деревню быстро, и в тот же день вечером уже покупали домашние продукты у соседей, державших большое хозяйство. Деревенские молоко, масло, сыр, сметана, творог не идут ни в какое сравнение с продуктами в магазинах городских, и мы возвращались домой веселые, в предвкушении шикарного ужина. Отпирая калитку, я обратила внимание на дочку. Она была грустная, а на ее густых ресницах висели непролившиеся слезы.

– Ты что, Ленок? – ласково спросила я, – что случилось?

– Собачку жалко, мамочка, – прошептала дочь, – ей так

плохо там, тесно, ни поиграть, ни побегать...

Я поняла, о чем говорила Ленка. У соседей, от которых мы только что вернулись, во дворе была привязана собака. Огромное лохматое чудовище, ростом не меньше самой Ленки, сидело на привязи. Толстая цепь длиной чуть больше метра и большая будка – вот и все, что имелось у псины для жизни и отдыха. Когда мы вошли во двор, собака кидалась во все стороны, но слишком короткая цепь не давала ей сделать это по-настоящему. После окрика хозяина пес присмирел, но, продолжая стоять, грозно рычал и смотрел на нас подозрительно. Вот о чем переживала сейчас моя дочь.

– Не надо плакать, Леночка, – успокаивала я девочку, – Вулкана кормят хорошо, любят, видишь, какой он ухоженный.

Петровна, узнав, в чем дело, заметила:

– Иии, милая, нашла о чем печалиться! Он другой жизни не знает, и эта ему кажется нормальной. Так что не плачь и не грусти, с собачкой все в порядке!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.